

Нина Воронель

•

Секрет
Сабинь Шмилльрайн

*Документальный роман,
вольная реконструкция*

Харьков
«ФОЛИО»
2019

ПРОЛОГ

*Сталина Столярова —
Нью-Йорк, 2002 год*

— Куда вас несет в такую рань? — сонным голосом спросила Лилька.

— Ничего себе рань! Семь часов вечера!

— Неужели уже вечер? — ужаснулась Лилька, поворачиваясь лицом к стене. Меня это вполне устроило: не придется объяснять ей, куда меня несет в семь часов вечера без нее в пугающие нью-йоркские джунгли. Ведь не только у нее джет-лэг — привыкнуть к перепаду времени между Новосибирском и Нью-Йорком в моем возрасте не легче, чем в ее. Но у меня есть серьезная причина, выдравшая меня из сладкого сна новосибирского раннего утра в вечерний водоворот Четырнадцатой улицы Манхэттена.

Четырнадцатая улица и днем страшновата — там вдоль грязных тротуаров с раннего утра до поздней ночи теснятся ларьки мелких торговцев разным дешевым хламом. Воздух там спертый, торговцы и разносчики пронзительно орут, расхваливая свой товар, вокруг снуют подозрительные личности с вороватыми повадками, так что следует хорошенько осмотреться, прежде чем отпереть дверь нашего дешевого отеля заранее зажатым в ладони ключом. Так что уж говорить о ноябрьском вечере, когда слабый свет уличных фонарей не в силах прорвать завесу тьмы.

Но сегодня днем, когда я выскочила перекусить в соседний китайский ресторанчик, я увидела наклеенный на его дверь маленький рекламный листок. Он анонсировал документальный фильм, от названия которого у меня потемнело в глазах. Не успев даже подумать, я сорвала листок с двери.

Он оторвался так легко, что я чуть не упала, зажимая его в занемевшей щепоти.

Наверное, нужно было тут же выбросить этот листок, но я зачем-то развернула его и прочла фразу, на задачу забыть которую я потратила несколько лет своей печальной юности. На какой-то миг я почувствовала, что стены качнулись и тротуар уходит у меня из-под ног. Но рекламка упорно продолжала торчать у меня между пальцев, и страшная фраза не стерлась и не растворилась в скоплении других окружавших ее слов. Ее нельзя было не заметить — набранную крупным шрифтом, гораздо более крупным, чем все остальное, и окрашенную в красный цвет.

Я плотно закрыла глаза, досчитала до пятидесяти и открыла их снова — увы, все осталось, как было. Я заставила себя прочесть:

«Меня звали Сабина Шпильрайн».

Это не было послание с того света, адресованное мне, а просто реклама фильма «My name was Sabina Spilrein», на просмотр которого приглашали всех желающих в кинокафе «Форум».

Я глянула на число в смутной надежде — а вдруг просмотр был на прошлой неделе и ничто не обязывает меня идти смотреть этот фильм? Но нет, рука судьбы неумолима: просмотр был назначен на сегодня. Предлагались два сеанса для желающих — в восемь вечера и в десять.

Оставался вопрос: была ли желающей я, профессор Сталина Столярова, родом из Ростова-на-Дону?

Хотела ли я вернуться к ужасу своего детства, на забвение которого были потрачены годы? В конце концов, в моем возрасте можно и рискнуть — толстый пласт лет отделял меня от мучительно пережитой мною драмы. Тем более неизвестно, что мне покажут...

Из верхнего левого угла рекламки на меня смотрело молодое женское лицо — нежное, печальное и совсем не похожее на Сабину. В золотой рамке под портретом было написано нечто туманно-многозначительное: «Горькое свидетельство работы сознательных и подсознательных сил». Мелькнуло имя

режиссера: Элизабет Мартон — какая разница, как зовут режиссера?

Так и не попробовав китайской пищи, я вернулась в номер и поспешно легла в постель. Я предвидела, что вот-вот придет Лилька в сопровождении еще пары участников научной конференции, ради которой мы с ней два дня назад прилетели в Нью-Йорк из новосибирского Академгородка, и притворилась спящей. Я не хотела присоединяться к веселой пирушке счастливых людей, не знавших того, что когда-то знала я.

Лилька примчалась через полчаса, заглянула в мою комнату и позвала меня, но я не могла предстать перед взором других людей. Я лежала в какой-то странной прострации, не в силах отличить сон от яви. Веселые голоса за дверью скорее принадлежали сну, так же, как и зыбкий свет фонарей над Четырнадцатой улицей Манхэттена, а явь осталась там, в далеких переулках моего ростовского детства, которых давно уже нет — их срыли, снесли и разрушили. Их стерли с лица земли, а они все равно остались явью на задворках моего сознания, более реальные, чем улицы новосибирского Академгородка и переходы нью-йоркского метро.

Самой страшной явью была дорога на Змиевскую балку, по которой я бежала вслед за Сабиной, — ее невозможно было ни разрушить, ни стереть. Потом четыре года меня переносили из больницы в больницу, стараясь вытравить образ Змиевской балки из моего сознания, пока врачам не удалось загнать этот образ в какой-то дальний чулан моей памяти и запереть его там за семью замками.

А теперь листок с ее именем затаился у меня под подушкой, не оставляя никакого выбора — через несколько часов мне придется пойти посмотреть фильм под названием «Меня звали Сабина Шпильрайн». С подзаголовком «Между Фрейдом и Юнгом». Значит, вся эта история про Фрейда и Юнга была правдой, а не сказкой, не вымыслом, как утверждали мои лечащие врачи. Впрочем, врачам я не очень верила, оставался вопрос — верила ли Сабине я сама?

Заснуть я так и не смогла, просто провалялась в постели весь день до шести вечера. К шести Лилькины гости пошу-

мели и разошлись, а сама Лилька, на мое счастье, рухнула в постель и уснула — джет-лэг он для всех джет-лэг, для старых и молодых. Слава богу, мне не придется объяснять, куда я собираюсь удрать от нее на весь вечер.

Я выбралась из постели и стала медленно собираться в кинокафе «Форум». Первым делом нужно было выяснить, где это кафе находится. После долгих ползаний по карте Нью-Йорка с лупой в руке я обнаружила, что можно дойти туда пешком, если выйти сразу, не задерживаясь даже для того, чтобы выпить чашку чая.

В моем возрасте прогулка пешком по лабиринту улиц Гринвич-Виллидж — задача не из легких, но это все же проще, чем нырнуть в метро Четырнадцатой улицы и долго разбираться в хитросплетениях его многочисленных ветвей. Я шла и шла, сбивалась с пути, возвращалась обратно и опять шла, узнавая пройденные раньше кварталы, и все-таки пришла задолго до начала.

Что ж, тем лучше — можно оглядеться, сдать пальто в гардеробной и даже забежать в туалет. Из туалета короткая лесенка в пять ступенек привела меня в высокий сумрачный зал, левая часть которого между двумя застекленными стенами была отведена под кафе. Правая же, с большим экраном во всю торцовую стену, была отгорожена плотными занавесями и уставлена удобными кожаными креслами, число которых явно не предполагало наплыва зрителей. Большого наплыва и не было — десятка два пожилых дам и господ прилично-профессорского вида и дюжина парней и девушек в пестрых куртках и джинсах. Я в своем скромном, московского пошива, костюмчике мышинного цвета прекрасно вписалась в профессорскую часть публики, не вызвав ни у кого подозрений в моем инопланетном статусе и в моей связи с Сабиной Шпильрайн.

Билеты здесь не продавали, платить надо было только за право войти в клуб. На маленьком столике возле кофейного бара стояла стопка книг в скромных кремовых обложках, по светлomu полю бежала вертикальная синяя волна и красный заголовок:

«Тайная симметрия — Сабина Шпильрайн между Юнгом и Фрейдом».

Пролистала наспех — письма, дневники, опять письма. От Сабины — Юнгу и Фрейд, от Фрейда — Сабине. Значит, она говорила правду, а не вешала мне лапшу на уши, как уверяли врачи. Я глянула на цену и обомлела — 16 долларов, для меня — целое состояние, два дня жизни в Нью-Йорке! И все же купила — гулять, так гулять! Кофе входило в цену входного билета, и я взяла чашечку с положенным к ней бисквитом в целлофановой упаковке — сэкономила ужин или, в моем случае, завтрак.

Прижимая драгоценную книгу локтем, я с чашечкой в руке вошла в зрительный зал и опустилась в удобное глубокое кресло с прикрученным к левой ручке столиком. Если бы не ужасающий вкус американского кофе, кинокафе выглядело бы просто райским местом. Именно из этого рая мне предстояло спуститься в мой личный ад.

До начала сеанса оставалось двадцать минут, и я начала поспешно просматривать книгу. Мой несовершенный английский был достаточно хорош, чтобы понять, что покрытый многолетней пылью коричневый чемоданчик с письмами и дневниками Сабины несколько лет назад нашли в каком-то подвале в Женеве. И закрутилась карусель — засуетились ученые, ринулись на добычу журналисты.

Без предупреждения погас свет, и по экрану побежали титры на фоне женского голоса, поющего по-русски: «Среди долины ровныя, на голой высоте, растет, цветет высокий дуб в могучей красоте». Меня как током ударило — какой идиот умудрился выбрать для вступления к фильму песню про дуб? Впрочем, этого идиота можно простить: ведь он ничего о Сабине не знал, кроме того, что прочел в письмах.

А пока во весь экран — красивой английской прописью для всех, а не как мне — коряво, наспех, на вырванном из тетрадки листке: «Меня звали Сабина Шпильрайн».

Затем краткое сообщение о случайно найденном чемоданчике с письмами и дневниками. И недоуменный вопрос: как Сабина могла оставить такие важные документы в под-

Содержание

ПРОЛОГ	3
<i>Часть первая</i>	
ВЕРСИЯ СТАЛИНЫ	16
<i>Часть вторая</i>	
ВЕРСИЯ САБИНЫ	205
ИНТЕРМЕДИЯ	247
ВЕРСИЯ САБИНЫ (продолжение)	251
<i>Часть третья</i>	
ВЕРСИЯ ЛИЛЬКИ	294